

Цѣна съ перес.

за годъ 2 руб.,

за 3 мѣсяца

50 коп.

Цѣна отд. № 5 н.

№ 127

(Апрѣль).

1909.

ПОДПИСКА ПРИНИМАЕТСЯ

въ РЕДАКЦИИ

Вологодскихъ Епархіаль-
ныхъ Вѣдомостей

и въ КАНЦЕЛАРИИ

ЕГО ПРЕОСВЯЩЕНСТВА
ЕПИСКОПА ВОЛОГОДСКАГО.

СОДЕРЖАНИЕ: Противъ видимыхъ враговъ, когда они раздражаютъ насъ, надлежить употребляти молчаніе.—Молчаніе надлежить умѣрять, а во гнѣвъ подобаетъ молчаніе.—Да святится имя Твое! Святыи С. Козубовскаго.—Чѣмъ жива наша русская православная душа. Никона, Епископа Вологодскаго и Тотемскаго.—Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матвѣевича Рынина (подвизавшагося Христомъ ради въ Вологдѣ).—Изъ приходской жизни. Мольба безъ пива.

Прилагается къ Волог. Епарх. Вѣдомостямъ БЕЗПЛАТНО.

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матеевича Рынина (подвизавшагося Христѣ ради въ Вологдѣ).

27 марта 1837 года улицы города Вологды, ведущія отъ Власьевской церкви къ Богородскому кладбищу, запружены были народомъ. Казалось, что сюда собрался весь городъ, несмотря на то, что въ тотъ день стояла ненастная погода—оттепель и шелъ дождь. Хоронили Николая Матеевича Рынина, юродиваго, въ прозорливость котораго вѣрили многіе, испытавшіе правду его словъ въ событияхъ своей жизни. Глубоко уважая покойнаго, всякъ старался пропискаться къ его гробу, чтобы проститься съ нимъ, отдать ему послѣдній долгъ. Очевидцы разсказываютъ, что отъ гроба разносилось необыкновенное благоуханіе. Въ толпѣ слышался крикъ бѣсноватыхъ, съ пѣной валявшихся по землѣ, раздавались рыданія и вопли. Народъ останавливалъ гробъ. Шествіе совершалось весьма медленно, и когда оно вступило въ ограду кладбища, съ соборной колокольни понеслись звуки колокола къ вечернѣ и вспомнились тогда слова брата Николая Матеевича—Ивана, не пожелавшаго исполнить завѣтъ покойнаго—похоронить его въ Прилуцкомъ монастырѣ, потому что погребеніе здѣсь сопряжено было для брата съ большими заботами,—брать съ сердцемъ говорилъ: „ну, его дурака, пожалуй къ вечернѣ туда въ монастырь не довезти“... Тѣло Николая Матеевича принесено было на Богородское кладбище съ благовѣстомъ къ вечернѣ.

Николай Матеевичъ былъ Божій человѣкъ, происходилъ онъ изъ купеческаго званія, родился 9 мая 1777 года и крещенъ во Власьевской, г. Вологды, церкви, въ приходѣ которой находился двухъэтажный полукиаменный съ солодовеннымъ заводомъ домъ отца его Матея Ивановича Рынина (домъ сохранился и донынѣ, онъ принадлежитъ наслѣдникамъ купца К. Девяткова). Въ дѣтствѣ Николай Матеевичъ научился читать и писать. Послѣ него остались двѣ тетради, писанныя его рукою: въ нихъ надъ многими словами поставлены титлы. Неизвѣстно, что дало душѣ Николая Матеевича благодатный толчекъ, но достовѣрно, что еще въ молодыхъ годахъ онъ возжелалъ жить для Бога и Ему Одному послужить. Богатство, прелести міра, все улады, которыми Николай Матеевичъ могъ пользоваться, благодаря имѣющимся средствамъ, онъ отвергъ. „Или, продай имѣніе твое и отдай нищимъ“—эти слова Спасителя, смущившія юношу, ушедшаго съ печалью отъ Христѣ, запали въ седце Рынина. Онъ увидѣлъ, что ему невозможно двумъ господамъ работать, что богатство для него трудное иго: если онъ останется прежнимъ человѣкомъ,

предъ нимъ открывается опасный путь, полный соблазновъ и искушений. Онъ роздаль имѣніе нищимъ и самъ сдѣлался нищимъ. Теперь Николай Матеевичъ не сталъ имѣть своего крова, не имѣть гдѣ главу преклонить. Миръ счѣль его за безумца; действительно, съ мірской точки зрењія его поступокъ былъ страннымъ, ненормальнымъ, безумнымъ. Николая Матеевича занимало то, что едино на потребу. Онъ отдался молитвѣ. Утромъ можно было его видѣть постоянно за богослуженіемъ въ храмахъ города; ночью, когда всѣ спали, онъ отдавался бесѣдѣ съ Богомъ въ тиши, въ уединеніи, гдѣ его никто не видѣлъ. Покойный Андрей Ивановичъ Бѣляковъ до нѣкотораго времени считалъ Рынина сумасбродомъ и даже смеялся надъ нимъ. Какъ-то имъ пришлось быть вмѣстѣ на праздникѣ въ Прилукахъ у общихъ знакомыхъ—Бабушкиныхъ. Хозяева оставили гостей ночевать, размѣстивъ ихъ въ смежныхъ комнатахъ. У Бѣлякова ночью разболѣлись зубы, да такъ сильно, что онъ ни на минуту не могъ заснуть. Въ теченіи ночи, какъ ни посмотритъ Бѣляковъ на постель Рынина, все она пуста. Куда пропалъ онъ? думаетъ больной. Ужъ предъ утромъ Бѣляковъ замѣтилъ Николая Матеевича стоящимъ предъ иконами въ углу своей комнаты и горячо молящимся. Значитъ, онъ молился всю ночь, заключилъ тогда Бѣляковъ, измѣнилъ свое прежнее мнѣніе о Рынинѣ, и замѣчательно, что даже зубная боль у него съ того момента прекратилась. Когда Николай Матеевичъ заходилъ въ родительскій домъ, многіе видали, что онъ бывало въ лѣтнее время сядетъ въ открытое окно и, обратившись лицомъ къ Власіевскому храму, поетъ, забывая все окружающее, церковныя пѣснопѣнія. Любимъ его мѣстомъ для молитвы и уединенія являлся Прилуцкій монастырь, отстоящій отъ Вологды въ 5 верстахъ, куда онъ часто ходилъ и подолгу пребывать: у раки Преподобныхъ Димитрія и Игнатія, на паперти храма, въ тѣни деревьевъ. Замѣчательно, что любовь къ обители Св. Димитрія передалась отъ ляди къ племянницѣ, которая тоже, оставивъ радости міра, проводила жизнь какъ птица небесная, научая нась своимъ примѣромъ не пристращаться къ землѣ, помнить о своемъ высокомъ назначеніи, о Царствѣ Божіемъ.

Николай Матеевичъ скитался съ мѣста на мѣсто, подолгу проживалъ въ Вологдѣ, Кадниковѣ, Тотымѣ, гдѣ не мало было лицъ, его уважавшихъ. Онъ ходилъ съ большимъ посохомъ въ руки, зимой и лѣтомъ безъ шапки (иногда голову повязывалъ полотенцемъ), въ синемъ холщевомъ балахонѣ; подъ нимъ онъ носилъ длинную бѣлую рубаху, на ногахъ кожаные опорки. Вель себя Николай Матеевичъ какъ то странно. Придетъ, бывало, къ знакомымъ запачканный смолой, пригласятъ пить чай, выпить полчашки, а остальное выльетъ себѣ на голову. Огневый взглядъ его черныхъ глазъ проникалъ въ глубину сердца. Иные боялись

Рынина, боялись его обличения. Не смотря на внѣшнюю строгость, онъ обладалъ любвеобильнымъ, нѣжнымъ сердцемъ.

Рабъ Божій попадалъ и въ домъ умалищенныхъ. Конечно, почтеніе къ нему отъ этого не уменьшалось, если не увеличивалось. И туда многіе ходили къ нему за совѣтомъ. Вотъ что разсказываетъ устами своего ученика о своемъ, вмѣстѣ съ родителями, посѣщеніи Рынина въ сумасшедшемъ домѣ извѣстный вологжанинъ Архимандритъ Николо-Угрѣшскаго монастыря Пименъ, тогда еще Петръ Димитріевичъ Мясниковъ, рѣшившійся принять иночество и предъ столь важнымъ шагомъ жизни отправившійся поклониться святынямъ Кіева, чтобы у Печерскихъ подвижниковъ испросить благословеніе на трудный путь монашества. „Рынинъ былъ изъ Вологодскаго купечества, лѣтъ слишкомъ сорока, высокій, худощавый, съ длинными растрепанными волосами и черной бородой; говорилъ отрывисто и скороговоркой, густымъ хриплымъ басомъ. Рынинъ ходилъ по комнатѣ, былъ въ веселомъ расположеніи духа, встрѣтилъ вошедшихъ съ посохомъ въ руки и, постукивая имъ по полу, повторялъ неоднократно: „Никола никуда не ходить, Никола никуда не ходить“. Впослѣдствіи о. Пименъ вспомнилъ, что дѣйствительно вся жизнь его прошла подъ особымъ покровительствомъ Святителя Николая: онъ родился въ приходѣ Николы на площади (въ Вологдѣ), ростъ у Николы на Глинкахъ (здѣсь былъ домъ родителя о. Пимена) и поступилъ въ 1834 г. къ Николѣ на Угрѣшу, находился до своей кончины, болѣе 46 лѣтъ, на одномъ и томъ же мѣстѣ. Интересенъ другой случай въ жизни о. Пимена. „Мы были еще дѣтьми, сестры и я, разсказывалъ о. Архимандритъ. Думаю, что это случилось въ началѣ 1820 годовъ, мы какъ-то разъ сидѣли и учились, вдругъ вѣжаль въ комнатѣ Николай Матеевичъ Рынинъ и громко какимъ-то неистовыемъ голосомъ сталъ кричать: „Готовьте на ризы, на рясы, на шапки, на шапки“, приговаривая и еще что-то такое; но только тогда никто изъ старшихъ не обратилъ на это вниманія, а мы, дѣти, не поняли, а можетъ быть и перезабыли“... (Архим. Пимень. Москва 1881 г. стр. 17). И что же? Не смотря на крутой характеръ отца, не слишкомъ расположеннаго къ монашеству, двѣ дочери съ согласія родителя ушли въ Горицкій Троицкій монастырь, а Петръ Димитріевичъ подъ влияниемъ чтенія Библіи и бесѣдъ съ извѣстнымъ епископомъ Игнатиемъ Брянчаниновымъ, тогда еще послушникомъ, почувствовавшимъ стремленіе къ иночеству получить благословеніе отца и сдѣлался впослѣдствіи извѣстнымъ Армимандритомъ, котораго Архиепископъ Леонидъ (Ярославскій) называлъ „самородкомъ золота“.

Рынина считали провидцемъ. Было не мало поводовъ видѣть въ немъ необычнаго человѣка, въ его рѣчахъ—особенный смыслъ, ясно открывавшійся потомъ, по времени, а иногда тутъ же въ моментѣ произнесенія ихъ. Замѣчателенъ случай, передаваемый

благочестивой старушкой 93 лѣть, дворянкой Татьяной Алексѣевной Чуровской. Къ ней часто ходилъ Николай Матеевичъ. Однажды она сидѣла у себя въ квартирѣ и разговаривала съ братомъ—помѣщикомъ. Взглянувъ случайно въ окно, она увидѣла на углу улицы Рынина. Вотъ Николай Матеевичъ идетъ, сказала она брату.

— Это шатунъ-то? Онъ только бродитъ, да народъ обманываетъ, замѣтилъ помѣщикъ.

Рынинъ сталъ подходить къ дому и Татьяна Алексѣевна звала его: „Николай Матеевичъ, зайди къ намъ!“ крикнула она ему въ окно.

— Ладно, матушка, зайду, отвѣчалъ онъ съ улицы. Скоро Рынинъ былъ въ лакейской (прихожей) и, къ удивленію хозяйки, дальше лакейской не шелъ, чего ранѣе съ нимъ не случалось.

— Николай Матеевичъ, проходи въ комнату, любезно приглашала его хозяйка.

А онъ отвѣчалъ:—да стойти-ли, матушка, въ комнату-то заходить мнѣ, шатуну, да обманщику, что бродитъ да народъ обманываетъ?

При этихъ словахъ у брата волосы на головѣ встали дыбомъ.

Также Чуровская разсказываетъ, что въ одно изъ своихъ посѣщеній Николай Матеевичъ засталъ у нея пріѣхавшую изъ деревни двоюродную сестру, помѣщицу. У Рынина въ рукахъ была трехкопѣчная восковая свѣчка.

— Возьми свѣчку, возьми, подавая ее сестрѣ, говорилъ онъ.—

— На что же мнѣ свѣчка, Николай Матеевичъ? возражала женщина.

— Возьми, возьми, пригодится, настаивалъ онъ. Возвратившись домой, сестра узнаетъ, что у нея скоропостижно умерла дочь и свѣчка, дѣйствительно, пригодилась къ панихидѣ.

Въ Вологдѣ распространилась холера. Народъ умиралъ. Однажды, въ воскресный день, Николай Матеевичъ вошелъ въ храмъ Зосимы и Савватія, гдѣ молилась губернаторская семья, и всталъ рядомъ съ губернаторомъ. Юродивый весь былъ покрытъ смолой. Губернаторъ отодвинулся отъ него.—Я боюсь, чтобы не заразился, сказалъ Рынинъ...

Вскрѣ отъ холеры умерла сестра губернатора, но самъ губернаторъ остался невредимъ. Появленіе въ городѣ холеры Рынинъ предвѣщалъ заранѣе. Мѣщанка Анна Пищ—на, 83 лѣть, разсказываетъ, что однажды, прилякъ нимъ въ домъ, онъ сталъ настойчиво требовать, чтобы мать ея помазала всѣ углы дома дегтемъ.

— Купи дегтю, говорилъ онъ, здѣсь помажь и здѣсь указывалъ палкою на всѣ углы комнаты.

— Да зачѣмъ же это, Николай Матеевичъ? недоумѣвала мать.

— Надо, твердилъ онъ, купи дегтю, помажь.

Мать, чтившая Рынина, исполнила его приказаніе, поставила

въ каждый уголъ дома по пузырьку съ дегтемъ. Черезъ недѣлю въ городѣ открылась холера, многіе умирали, но семейные Пиш—ной избавились отъ посѣщенія ихъ дома страшной гости.

— Моеї матери предсказаіль мое рожденіе, передавала намъ благочестивая старушка Г. С. Гр—ва.—Родители мои жили въ Кадниковѣ и занимались торговлею. До меня у нихъ родилось три дѣвочки. Матери страшно хотѣлось имѣть сына. Когда она носила меня во чревѣ, случилось ей быть въ Вологдѣ. Идетъ по улицѣ, а на встрѣчу ей Николай Матеевичъ, и вдругъ, безъ всякаго съ ея стороны повода, отвѣчаетъ ей на занимавшій ее вопросъ:—Здравствуй, кукла (любимое выраженіе), говорять, что въ какомъ-то городѣ купчиха дѣвочку родила.

— Это ты мнѣ, Николай Матеевичъ, предсказываешь опять дѣвочку, запечалилась мать.

Родилась я. Разсказывали, что Рынинъ былъ въ день моихъ крестинъ въ нашемъ домѣ и послѣ того мать мою звалъ кумой.

Въ Кадниковѣ Николай Матеевичъ радушный пріютъ находилъ въ домѣ Дьякова, но съ любовью его принимали многіе горожане и весьма дорожили его посѣщеніями. Для Божьяго члѣвѣка рады были сдѣлать все. Однажды, передаетъ та же Гр—ва, мылся онъ въ нашей банѣ. Сердечная мать подумала про себя: дать бы Николаю Матеевичу бѣлье (у него все одно), но какъ предложить? Задумалась. Вымылся гость и вдругъ бѣжитъ изъ бани нагой, только чресла свои препоясалъ старой рубашкой.— „Кума, дай бѣлье-то!“ Онъ узналъ мысли хозяйки.

Домъ нашего отца, сообщаіль намъ К. П. Пан—евъ, находился у Николы на Глинкахъ. Разъ ночью Рынинъ стучится въ окно.— Вы вѣль горите, кричитъ онъ своимъ хриплымъ голосомъ. Посмотрѣли, нѣть ничего. Успокоились. Телографа тогда не было. Потомъ оказалось, что въ тотъ день и часъ, въ который стучался Рынинъ, сгорѣла наша мельница въ Архангельскѣ.

— Рынинъ имѣлъ даръ прозорливости, рассказывала одна интеллигентная женщина Л. Д. Мило—ва. Извѣстны мнѣ такие случаи. Моеї знакомой старушкѣ онъ далъ нѣсколько кусочковъ сахара. Она бережно хранила ихъ въ сахарницѣ, гдѣ находились у нея деньги.—Деньги не переводились, такъ что ими она нерѣдко снабжала и своихъ родственниковъ. Вдругъ сахаръ растаялъ, перевелись и деньги.—Одному гимназисту Николай Матеевичъ говорилъ, указывая рукой на небо: „высоко поднимешься“. Тотъ кончилъ университетъ, хорошо служилъ и достигъ солиднаго поста Предсѣдателя Судебной Палаты. Моеему свекору О. Ан—ю онъ предсказаіль пожаръ въ О—ѣ, гдѣ священствовалъ свекоръ, дѣйствительно сгорѣла церковь и дома причта. Несчастія Рынинъ многимъ предвѣщаіль. Разъ, сообщаетъ Пиш—на, приходитъ онъ къ нѣкоей Марѣѣ Ивановнѣ, портнихѣ, и говорить ей: Марья Ивановна, умойся.—Да я уже умылась, Ни-

колай Матеевичъ.—Нѣтъ, умойся, умойся, черна ты больно, настаиваетъ Рынинъ. Вечеромъ она скоропостижно скончалась.

Другой случай. Рынинъ былъ въ Грязовцѣ. Зайдя въ одинъ знакомый домъ, онъ говорилъ хозяйкѣ его: Помни 22 число, смотри, помни же.—Для чего мнѣ помнить это число?—Помни, тебѣ говорять, помни, наказывалъ онъ ей на прощаныи, причемъ, выходя изъ дома, поставилъ въ дверь лопату. Это было въ октябрѣ мѣсяцѣ. Насталъ праздникъ Казанской Божией Матери 22 числа. Хозяйка дома заболѣла и умерла.

— Своему родному брату Ивану, разсказываетъ старушка Ан. Авд—ая,—Николай Матеевичъ предсказалъ печальную кончину за много лѣтъ. Вѣтѣгаетъ онъ разъ въ комнату и накидываетъ на шею брату веревку. Иванъ Матеевичъ окончилъ свою жизнь самоубийствомъ, задавившись на чердакѣ своего дома. Племяннику своему, Николаю Ивановичу, Рынинъ провѣщалъ жалкую судьбу.

— Убить бы его лучше, кричалъ онъ при видѣ только что родившагося у Ивана Матеевича сына. Всѣ дивились необыкновенной выходкѣ юродиваго. Выросъ Николай Ивановичъ, женился на дочери богатаго человѣка Шергина, взялъ значительное приданое, но рано овдовѣлъ, запилъ, прекратилъ отцовскія дѣла, продалъ домъ и умеръ, оставивъ мать, Надежду Н—ну, влечить печальное существование и скорбѣть о своей тяжелой долѣ.

Рынинъ былъ вхожъ и къ знатнымъ въ городѣ лицамъ, въ томъ числѣ къ мѣстному владыкѣ. Является онъ однажды къ преосвященному Онисифору и говоритъ: у тебя въ шкафѣ-то 16 подрясниковъ, дай мнѣ одинъ.—На что же тебѣ? поинтересовался владыка.—Дай, дай!—Владыка распорядился удовлетворить желаніе юродиваго. Получивъ подрясникъ, Рынинъ вышелъ и во дворѣ архіерейскаго дома встрѣтилъ бѣдно одѣтаго человѣка, идущаго подать прошеніе владыкѣ объ опредѣленіи его на мѣсто. Ему и передалъ онъ владычный подарокъ.

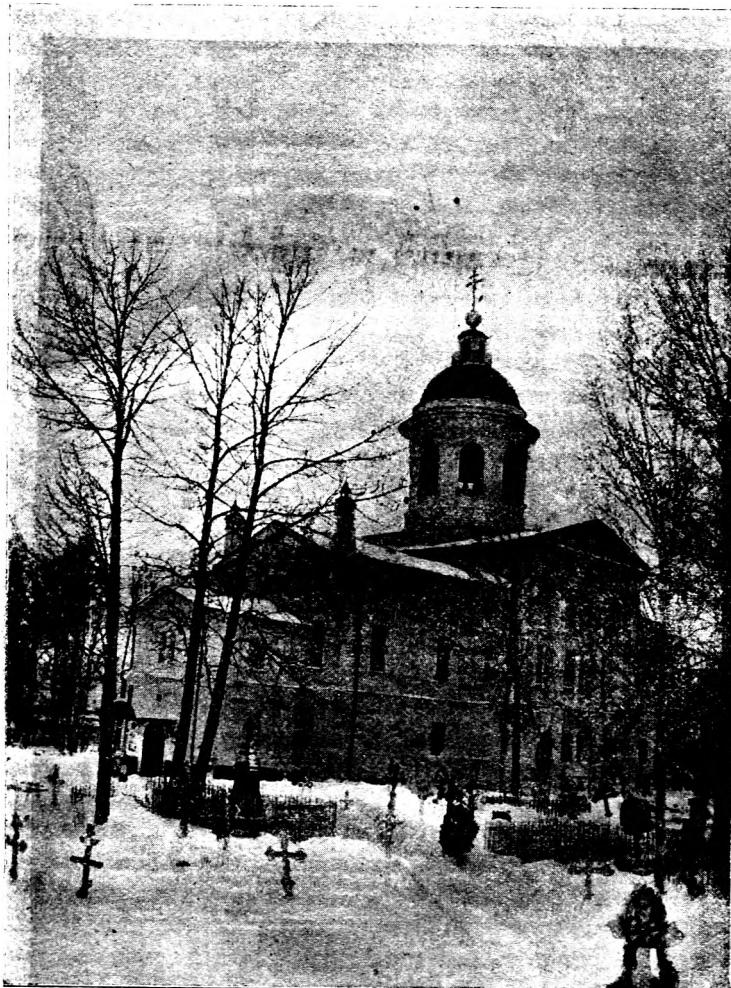
Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матеевича Рынина (подвизавшагося Христѣ ради въ Вологдѣ).

(Продолженіе).

Рынинъ носилъ съ собою всегда много кое-чего. Одному встрѣчному онъ дасть печенки—къ горю, другому уголъ:—скоро случалась смерть любимаго человѣка; кому хлѣба—это къ счастливой жизни. Бывали у Николая Матеевича съ собою и славы—гостины. Это для дѣтей. Онъ другъ дѣтей. И естественно, онъ шелъ по пути Христову. А Христосъ любилъ дѣтей: обнималъ ихъ, возлагалъ руки, указывалъ имъ въ примѣръ: „если не будете какъ дѣти, не войдете въ царство Небесное“. Не смотря на строгій видъ юродиваго, дѣти бѣгали кругомъ его. Онъ ласкаль ихъ съ большою нѣжностью и дѣти чувствовали искреннюю доброту его сердца. Школьники, бывало, внимательно замѣчали дѣйствія доброго человѣка, видя въ нихъ то счастливья, то непріятнаго для нихъ предзнаменованія: ударитъ легоночко школьнаго по плечу—быть въ тотъ дѣнь высѣченнымъ за что нибудь. Конечно, неблаговоспитанныя и рѣзвыя дѣти наносили Николаю Матеевичу и обиды, которыя онъ терпѣлъ ради Бога. Лѣтомъ, разсказываетъ купеческая дочь Ю. П.—на Бѣлякова, одинъ слѣпой сидѣлъ на галлереѣ нынѣшней гостиницы „Пассажъ“ и просилъ милостыню. Проходитъ мимо него Рынинъ. Уличные мальчишки, увидѣвъ юродиваго, стали бросать въ него песокъ съ дороги; пыль попала въ глаза слѣпому и причинила ему боль. Онъ сталъ тереть глаза, а Рынинъ и говорить ему: „три, три“; слѣпой получилъ возможность видѣть.

Николай Матеевичъ считался другомъ дѣтей и послѣ смерти (она послѣдовала 19 марта). Матери водили своихъ сыновей и дочерей къ могилѣ праведнаго человѣка, брали песочекъ изъ могильной насыпи и водой съ этимъ песочкомъ поили своихъ

больныхъ дѣтей; причемъ, по вѣрѣ благочестивыхъ женщинъ, дѣти ихъ получали облегченіе отъ болѣзней. Предѣлъ экзаменами, передавала одна дама Воронова,—когда мы учились въ гимназіи, бабушка водила настѣ на Богородское кладбище на могилку къ

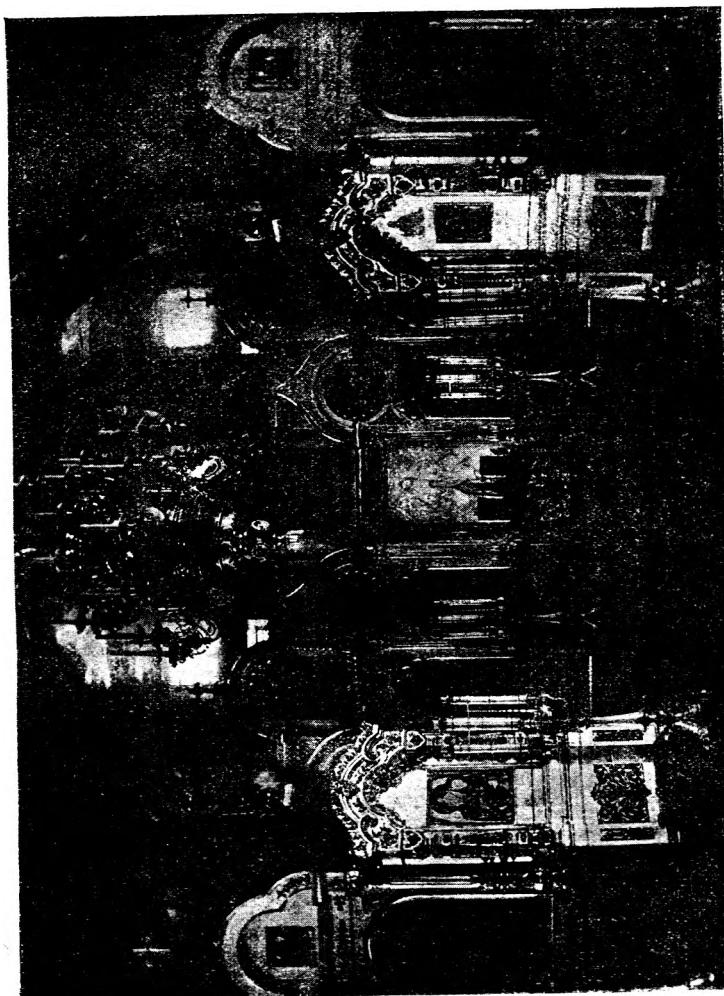

Кладбищенская Богородицкая церковь.

Рынину, мы тамъ молились и брали песочекъ. Приходили и приходять на могилу Рынина не только Вологжане и жители окрестныхъ весей, но и пріѣзжающіе изъ Тотъмы, Устюга, Архангельска и другихъ городовъ.

Несомнѣнныи фактъ благодатной помощи по вѣрѣ отъ упо-

требленија песочки сообщила помянутая ранѣе Г. С. Грачева.— Въ прежнее время Кадниковы любили совершать паломничества въ Вологду, чтобы поклониться святынямъ, заходили они и къ могилкѣ Николая Матеевича. Тетка моя въ одно изъ такихъ посѣщеній Вологды захватила землины съ Рынинской могилы.

Внутренность церкви.

Въ Кадниковъ тогда сильно хворала наша знакомая. Тетка пришла навѣстить ее и принесла съ собой землины.

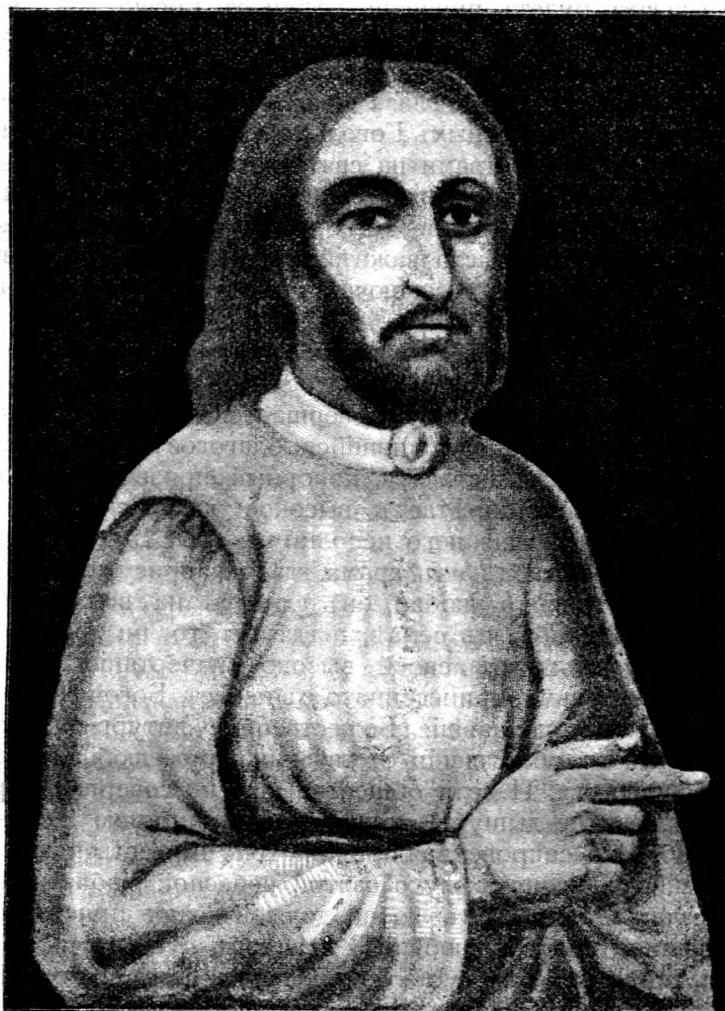
— Отъ тебя душистымъ ладономъ пахнетъ, не ладону ли принесла ты? вмѣсто привѣтствія такъ встрѣтила гостьюю больная.— Я принесла тебѣ песочекъ съ могилы Николая Матеевича. Попей водицы съ нимъ, дай обѣщаніе отслужить на могилкѣ по

немъ панихиду, и, Богъ дастъ, будешь здорова. Больная послушала совѣта тетки и выздоровѣла.

Вдова Евгения Н—на Девяткова, теткѣ которой Анфіи Я—нѣ Рынинъ говорилъ, что его узнаютъ черезъ 70 лѣтъ, ежегодно служить панихиду по Рынинѣ уже въ продолженіи 40 лѣтъ по слѣдующему случаю. Въ первые годы замужества ее мучила лихорадка. Пользовавшіе больную врачи не помогали ей. Томимая жаждою, больная все просила у родныхъ квасу, чтобы утолить жажду, но тѣ, вслѣдствіе запрещенія врачей, долго не давали ей этого напитка; наконецъ, видя ея страданія, рѣшились уступить просьбѣ, наливъ полстакана квасу и вложивъ туда немного земли, взятой съ могилы Рынина, они подали больной. Та схватила съ жадностью стаканъ, но, отвѣдавъ квасу, сказала: какая мерзость, да тутъ еще и песокъ. Однако, благодаря нѣсколькимъ глоткамъ непріятнаго напитка, у больной явился сильнѣйшій потъ, она моментально почувствовала облегченіе и скоро совсѣмъ поправилась отъ болѣзни, которая не постигала ее съ прежнею силою и по настоящее время.

Служацій въ церкви Богородскаго кладбища 39 лѣтъ, протоіерей о. Иоаннъ Шадринъ, разсказываетъ такой случай. Это было въ 70 годахъ, въ началѣ зимы. Онъ пришелъ служить литургію, но пономарь Славороссовъ предупредилъ его, что какой-то молодой крестьянинъ проситъ поскорѣе отслужить панихиду на могилѣ Рынина. Священникъ, облачившись, отправился на могилу и отпѣль панихиду, во время которой болѣзненнаго вида крестьянинъ, упавъ на покрытую не толстымъ снѣгомъ могилу, горячо со слезами молился. Богомолецъ рассказалъ, что привлекло его сюда поистинѣ чудное выздоровленіе его однодеревенца—молодого парня отъ кумохи (лихорадки) послѣ того, какъ онъ помолился здѣсь на могилѣ, взялъ песочку и попилъ съ нимъ воды. Должно быть, берущимъ песочекъ съ вѣрою, по молитвамъ раба Божія, подавалась помощь отъ Господа, потому что могила его бывала вся изрыта и очень глубоко.

(Продолженіе слѣдуетъ).

Черезъ 70 лѣтъ на могилѣ Николая Матвеевича Рынина
 (подвизавшагося Христу ради въ Вологдѣ).
(Окончаніе).

Однимъ изъ наиболѣе усердныхъ почитателей памяти покойнаго Н. М. Рынина въ настоящее время является В. П. Червъ. Онъ сообщилъ причту Богородскаго кладбища слѣдующее. Впервые я узналъ о блаж. Николаѣ Матвеевичѣ въ 1869 году, когда я познакомился съ старожилками Вологды старушками Ф. Н. и Е. Н. Садоковыми, нынѣ уже умершими. Онѣ знали хорошо при жизни Николая Матвеевича и очень уважали его память. Онѣ-то мнѣ и указали нынѣ дорогую для меня могилу блаженнаго, ко-

торую я сталъ часто посещать. Придешь, постоишь, поклонишься и на душѣ станеть легко. Вотъ тѣ особенные случаи, которые заставляли меня уважать эту могилу. 1) Когда я окончилъ курсъ въ Московскомъ Университетѣ въ 1871 году, я пріѣхалъ на лѣто въ Вологду. Наслышившись о великихъ чудесахъ преп. Сильвестра Обнорского и о красотѣ тамошняго мѣстоположенія, я пользуясь отдыхомъ послѣ ученья, вздумалъ пойти туда пѣшкомъ съ пятью или четырьмя простыми богомолками. Но, зная строгія правила моего отца (П. К. Черняева), я не рѣшился идти безъ его позволенія. И вотъ я объявилъ ему о моемъ намѣреніи идти къ преподобному Сильвестру. Къ моему огорченію отецъ мнѣ не далъ своего позволенія и категорически объявилъ: „покамѣстъ я живъ, тебѣ у Сильвестра не бывать“, и какъ моя мать его ни уговаривала онъ остался не преклоненъ. Меня это страшно обидѣло и я, чтобы разсвѣтиться, пошелъ погулять. Мѣстомъ моей любимой прогулки было Глинковское кладбище и любимая мною могила Н. М. Рынина. Такъ и при этомъ случаѣ я отправился на кладбище прямо на могилу блаженнаго. Стою на могилѣ и раздумываю: что такого худого было въ моемъ намѣреніи? Мысленно я обратился къ блаженному и какъ бы говорю ему: „Ты знаешь, Николай Матвѣевичъ, что мое желаніе было не дурное, а благочестивое, и если ты святой, то ты мнѣ поможешь въ исполненіи моего намѣренія“. Проговоривъ это мысленно, я еще немного постоялъ у могилы, поклонился и пошелъ домой. Прихожу и узнаю, что отецъ ни куда не ушелъ и сидитъ у себя въ кабинетѣ, куда мы, дѣти, не могли входить безъ особой надобности или разрѣшенія. Я усѣлся въ своей комнатѣ пить чай. Вдругъ слуга моего отца входитъ ко мнѣ и докладываетъ, что отецъ зоветъ меня въ кабинетъ. Вошелъ и стою ни живъ ни мертвъ: думаю мнѣ проборка. И что же? Отецъ подумавъ немного и посмотрѣвъ на меня, говоритъ: „Вотъ что... можешь идти къ преп. Сильвестру“. Я сразу догадался, кто былъ за меня у отца ходатаемъ, и мысленно возблагодарилъ блаженнаго за его помощь и надо замѣтить, что путешествіе свое я совершилъ очень благополучно въ 4 дня (180 верстъ). 2) У моего отца жила прислуга на кухнѣ по имени Лукерья, у которой былъ юноша сынъ, по имени Абрамъ, нынѣ купецъ А. Н. Н—въ, который былъ отданъ въ мальчики въ какую-то лавку на Московской улицѣ. Онъ изредка приходилъ къ матери, которая души въ немъ не чаяла. Разъ послѣ обѣда передъ вечернимъ чаемъ я вышелъ изъ дома, чтобы пройтись на кладбище. Вдругъ изъ кухни отца, которая была черезъ дворъ, выбѣгааетъ Лукерья и спрашиваетъ меня, не на кладбище ли я иду; я отвѣчалъ утвердительно; тогда узнаю я отъ Лукеръи, что къ ней пришелъ ее Абрамко и лежитъ весь въ жару и она, Лукерья, проситъ меня принести ей земельки отъ Николая Матвѣевича. Я исполнилъ это; она скатила съ земли

воды и обрызгала сына и черезъ короткій промежутокъ времени онъ всталъ съ постели здоровымъ и нынѣ здравствуетъ. 3) Въ Вологдѣ живутъ двѣ сестры вдовы Т. Д. С—ва и Е. Д. М—ва,

Внутренность часовни.

онѣ прѣѣзжія, не коренные жительницы Вологды и не имѣли понятія о Н. М. Рынинѣ. Какъ-то разъ, возвращаясь съ ними съ богослужія отъ св. Кирика и Иулиты (с. Толстиково) и приближаясь къ кладбищу, я предложилъ имъ зайти на кладбище и показать имъ могилу блаж. Николая Матвѣевича, которую онѣ не знали. Старшая сестра тотчасъ согласилась, а младшая только посмѣялась надъ нами, говоря: „вѣчно Владимиръ Павловичъ и Таничка возятся съ блаженными, да съ юродивыми“, и отказалась

идти съ нами и пошла домой. Въ ту же ночь она видить сонъ, будто стоять на кладбищѣ у какой-то могилы и кто-то говорить ей: посмотри въ могилу. Она увидѣла открытую могилу и совер-

Часовня на могилѣ Н. М. Рынина.

шенно пѣлый гробъ; опять тотъ же голосъ ей говоритъ: „вотъ ты говорила, что Николай Матвѣевичъ не святой, а вотъ его мощи. Сразу Е. Д. М—ва проснулась и раскаялась въ своемъ сомнѣніи. 4) Вотъ случай прозорливости Н. М. Рынина при жизни. Жило въ Вологдѣ семейство мѣщанъ Дружининыхъ. Была въ то время въ Вологдѣ сильная холера и всѣ, въ томъ числѣ и семья Дружининыхъ, находились въ страхѣ отъ этого Божія меча. Глава дома Михаилъ Григорьевичъ Дружининъ въ

умѣть своеемъ далъ обѣтъ, въ случаѣ избавленія его семейства отъ болѣзни, возобновить часовню Св. Николаю Чудотворца на р. Вологдѣ, называемую въ просторѣчи „Никола Мокрый“, но меддиль исполненіемъ своего обѣщанія. Между тѣмъ холера все усиливалась и уносила много жертвъ. Разъ сидѣть Михаилъ Григорьевичъ у себя дома за чаемъ. Вдругъ вѣѣгаетъ Николай Матвѣевичъ и говоритъ: „Михайло, тебя Никола Мокрый дожидается“. Это такъ поразило Михаила Григорьевича, что онъ тотчасъ отправился въ путь и возобновилъ означенную часовню. И Богъ принялъ его жертву: въ семье Дружинина никто отъ холеры не умеръ.

При жизни Николай Матвѣевичъ говорилъ брату Ивану:— когда я умру, ты не ставь надо мною ни креста, ни памятника, не то крышу у тебя сорву. Этотъ завѣтъ братъ исполнилъ: дѣйствительно на могилѣ Николая Матвѣевича долгое время не было креста, хотя за это нѣкоторые и упрекали его родныхъ. Первый крестъ на могилѣ Рынина поставила крестьянка Воздвиженского прихода изъ за Кадникова (въ 52 вер. отъ Вологды), по такому случаю. Она была больна разслабленіемъ. Ничто не помогало. Разъ, въ сонномъ видѣніи, она слышитъ приказаніе поставить въ Вологдѣ надъ могилою Николая Рынина крестъ, за исполненіе ей обѣщается выздоровленіе. Сновидѣніе повторилось. Духовный отецъ посовѣтовалъ больной исполнить повелѣнное. Лишь только женщина заказала сдѣлать крестъ, почувствовала облегченіе отъ недуга. Сама на своихъ плечахъ рѣшилась она донести крестъ до могилы. Помянутая Пиш—на, у дома которой останавливалась женщина уже совершенно здоровая, указала ей то мѣсто, где погребено тѣло Рынина. До 80 годовъ могила Николая Матвѣевича отличалась отъ другихъ развѣ тѣмъ, что была сильно изрыта почитателями юродиваго, берущими изъ нея песочекъ, такъ что крестъ на ней стоялъ покривившись. Въ 80 годахъ, купеческая вдова Наталья М—на Коровина устроила надъ могилой крышу на 4 деревянныхъ столбахъ и довольно высокія перила, а въ 1899 году, почитательница покойнаго А. М. Крылова, построила досчатую часовенку, покрытую желѣзомъ, съ небольшою изъ бѣлага желѣза главкою и желѣзнымъ крестомъ. Въ часовнѣ 4 окна, входъ въ нее съ западной стороны. На могилѣ поставленъ деревянный крестъ, сама же она покрыта парчевымъ покровомъ. Въ 1905 г., лѣтомъ, неизвѣстнымъ лицомъ часовня окрашена масляною, голубаго цвѣта, краскою, на восточной сторонѣ ея поставленъ столярный, съ золоченою рѣзьбою, иконостасъ съ 3 большими образами: въ срединѣ Воскресенія Христова, направо Успенія Божіей Матери, нальво Николая Святителя (тезоименитаго покойному). На стѣнѣ виситъ портретъ Николая Матвѣевича: худое, съ заостреннымъ носомъ, подвижническое лицо, черные задумчивые глаза...

Мѣщанская вдова Екатерина Елисеевна Кинарѣкина, донынѣ

здравствующая, разсказываетъ, что Николай Матеевичъ часто посѣщалъ ихъ домъ и много разъ ночевалъ у нихъ. „Живи осторожнѣе, живи осторожнѣе“, говорилъ онъ отцу моему Елисею Алексѣевичу. Надо бы слушать прозорливца, а отецъ мой, бывшій буфетчикомъ въ трактире, по прежнему былъ довѣрчивъ къ посѣтителямъ, слѣдствіемъ чего произошло раззореніе отца. Въ нашемъ домѣ вѣрили въ прозорливость Николая Матеевича. Старецъ однажды приходитъ въ нашъ домъ и ставить въ комнатѣ крестъ. Мы испугались, ожидая чего нибудь печального. Черезъ три дня получаемъ письмо о смерти нашей матери, Маріамны Марковны Кинарѣкиной, жившей въ деревнѣ. Нелюбиль покойный нашей кухарки, какъ только бывало придется къ намъ, ворчить и бранить ее. Потомъ узнали, что кухарка брала украдкой хозяйствкое добро, за что и пришлось ей отказать.

Вотъ случаи благодатной помои по молитвѣ раба Божія Николая Матеевича, относящіеся къ послѣднему времени.

19 Марта 1907 года крестьянинъ Вологодскаго уѣзда, Семенковской волости, дер. Ципоглазова, Павелъ Петровъ Москвинъ, 43 лѣтъ, объявилъ причту Богородицкаго кладбища слѣдующее. Съ весны 1906 года заболѣлъ у меня на правой рукѣ болѣй палецъ и разболѣлся до такой степени, что отъ боли я не имѣлъ ни минуты покоя. Врачи давали мнѣ лекарства, но пользы и облегченія болѣзни отъ нихъ не было, боли стали напротивъ не выносимѣе. Послѣ долгихъ стараній врачи рѣшили отнять палецъ, но на это я не согласился. Прожилъ я и лѣто и осень въ совершенномъ бездѣйствіи, даже топора не могъ взять въ руки. Къ концу осени боль усилилась до такой степени, что я задумывалъ было самъ отрубить себѣ палецъ. Въ Введеніевъ день (21 Ноября) мои односельчане принесли книжку о Ник. Матеевичѣ Рынинѣ. Жена моя грамотная, она въ тотъ же вечеръ прочитала разсказъ о вологодскомъ молитвенникѣ. Съ того времени стала я думать о Николаѣ Матеевичѣ, стала молитвенно призывать его и даль обѣтъ сходить на могилу, помолиться предъ его гробницѣ. 6 Декабря я пришелъ въ кладбищенскую церковь помолиться. Во время Херувимской пѣсни мысли мои были о рабѣ Божіемъ Николаѣ Матеевичѣ. И вотъ здѣсь въ храмѣ я почувствовалъ, что съ большаго пальца какъ бы что-то спало и боль въ рукѣ сама собой утихла; черезъ 2 недѣли я уже окончательно поправился. Тогда же (6 Декабря) Москвиновъ отслужилъ панихиду, а 19 Марта 1907 года въ день памяти Н. М. Рынина снова пришелъ возблагодарить Господа Бога за исцѣленіе по ходатайству молитвенному за него предъ Всевышнимъ раба Божія Николая Рынина.

Крестьянинъ Народовской волости, дер. Епифанки, Вологод. у., Василій Филипповъ єедотовъ разсказывалъ 2 Февраля 1908 года. Въ Сентябрѣ 1907 года во время молотьбы хлѣба на гумнѣ я свалился съ воза и сильно разшибся, послѣ сего почувствовалъ

жаръ и разслабленіе во всемъ тѣлѣ; съ теченіемъ времени появилась у меня сильная постоянная головная боль какъ бы отъ угара. Болѣзнь мучила меня 4 мѣсяца. За это время я побывалъ въ Вологдѣ и получилъ книжку о Н. М. Рынинѣ; изъ нея я узналъ, что угодникъ Божій помогаетъ больнымъ, и самъ сталъ просить у него помощи, причемъ даль обѣщаніе сходить пѣшкомъ въ Вологду (верстъ за 70) и отпѣсть панихиду на могилѣ у Николая Матеевича, если почувствую облегченіе болѣзни. Болѣзнь моя вскорѣ же постѣ сего обѣщанія прекратилась и 2 Февраля 1908 года Богъ привелъ меня исполнить свое обѣщаніе—отпѣсть панихиду и поклониться праху приснопамятнаго раба Божія.

Въ Декабрѣ мѣсяцѣ 1908 года настоятелемъ Богородицкаго кладбища получено было знаменательное письмо изъ Петербурга.

„Я жена крестьянина Вологодской губерніи и уѣзда Турундаевской волости, деревни Ерилова Анна Зародова, проживаю мы съ мужемъ въ Петербургѣ (адресъ нашъ: За Невской заставой село Александровское, Конторская улица, домъ № 20, кварт. 11-я). Мужъ мой былъ въ Вологдѣ 1908 года 21 Января, ходилъ онъ на могилу блаженнаго Николая на Богородское кладбище, отслужилъ тамъ панихиду и взялъ съ собой земельки. 22 Января мужъ вернулся домой изъ Вологды, а 28 Января меня постигла тяжкая болѣзнь. Моментально отнялась у меня правая рука и нога и языкъ, а ротъ мой искосило. Я лежала въ такомъ положеніи съ часть. Сестра моя пошла за докторомъ, но доктора не привела, не застала дома. Время шло, я все лежала въ одномъ положеніи. Въ головѣ мужа блеснула мысль—взять земельки, привезенныи съ могилы блаженнаго Николая и опустить земельку въ стаканъ съ водой. Онъ подалъ стаканъ сестрѣ моей, а самъ пошелъ за другимъ докторомъ. Когда сестра дала мнѣ выпить этой воды, глонула я и тутъ же проговорила: дай и еще. Ротъ у меня исправился и языкъ пришелъ въ чувство. Когда я приняла еще этой воды, то очувствовались рука и нога. Приходитъ мужъ съ докторомъ, а я ужъ сижу на диванѣ совершенно здоровая.

Былъ со мной второй случай 13-го Сентября. Заболѣла я очень тяжко. Были всѣ признаки холеры. И взмолилась я: помощникъ мой, великий святой блаженный Николай! На той же я землѣ росла, гдѣ ты спасался, быть можетъ когда нибудь я и шла тутъ, гдѣ ты ходилъ и разъ ты спасъ меня отъ смерти и еще спаси меня отъ такой тяжкой болѣзни, не отступлюсь я, просить тебя буду, пока говорить языкъ мой и пока не отнялся умъ мой. Я вѣрю, что ты помощникъ мой великий и ходатай предъ Господомъ Богомъ. И въ этотъ разъ мужъ даль мнѣ воды съ земелькой отъ могилы блаженнаго Николая и поправилась я. Тогда же я рѣшила послать на масло для лампады предъ гробницею блаженнаго Николая и съ сестрой своей посылаю 3 рубля“. Всѣ эти случаи ясно показываютъ, что Николай Матеевичъ Рынинъ былъ не простой человѣкъ, а лицо, ближе стоящее къ Богу,

чѣмъ мы грѣшные, и что въ немъ мы, вологжане, имѣемъ осо-
баго ходатая и заступника въ нашихъ нуждахъ предъ Богомъ.

За послѣдніе годы рѣдкій день пройдетъ, чтобы кто нибудь
не пришелъ на могилку Николая Матеевича и не отпѣлъ бы
панихиды по немъ. Часто причту приходится быть свидѣтелемъ
горячихъ молитвъ посѣтителей о покойномъ подвижнику, мно-
гіе прибѣгаютъ къ нему, какъ къ Угоднику Божію и просятъ
ходатайства его предъ Богомъ, нѣкоторые идутъ на могилку его,
чтобы молитвою за него воздать благодарность за полученные
уже благодѣянія по его ходатайству. И какія теплія молитвы
льются у этихъ людей за приснопамятнаго раба Божія Николая!
Разсказами этихъ крѣпкихъ вѣрою и сильныхъ молитвою бого-
мольцевъ о милости Божіей, явленной молитвами Николая Мат-
еевича, невольно умиляется душа. *Иеромонахъ Неофитъ.*